и дисциплинированных японских масс все более распространяются настроения недовольства и беспокойства» [1, *№ 245*].

Подводя итог, можно сказать, что открытие второго фронта в Европе породило в Японии новые надежды. В частности, в правящих кругах Японии рассчитывали на то, что гитлеровские войска, оборонявшие «Атлантический вал», нанесут англо-американским силам вторжения сокрушительное поражение и это может стать началом поворота в ходе войны в пользу Германии и Японии как в Европе, так и на Тихом океане. Однако многие в Японии понимали, что это надежды иллюзорные, среди населения нарастали настроения тревоги и неуверенности в завтрашнем дне. Последующие события в ходе войны на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе полностью подтвердили иллюзорность этих надежд.

---

1. The National Archives (United Kingdom, London). Weekly Political Intelligence Summaries, 1944.

Рукопись поступила в редакцию 26 июля 2015 г.

УДК 327.51(1-15) + 341.24 + 94(495)

Р. А. Погосян

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: ЗАПАДНЫЕ АНАЛИТИКИ О ПОЛИТИКЕ ЕС В ЮЖНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

В статье рассматривается политика Европейского союза в Средиземноморском регионе, имеющая продолжительную историю и ряд особенностей. В ее основе лежит Барселонский процесс, строящийся на продуманных принципах межгосударственного сотрудничества. Говорится о том, почему ЕС не смог правильно отреагировать на первые события «арабской весны» (волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г. в Тунисе), оценить их возможные последствия и приостановить распространение народных волнений, массовых беспорядков (которые в ряде случаев переросли в гражданские войны и насильственные смены политических режимов) по всему Средиземноморскому региону. В статье анализируется переосмысление западными экспертами средиземноморской политики ЕС под воздействием событий «арабской весны», а также их предложения по разработке концептуально важных подходов к этому региону.

Ключевые слова: «арабская весна», Европейский союз, политика ЕС в Средиземноморском регионе.

Взаимодействие Европейского союза (ЕС) и стран Средиземноморья имеет давнюю историю с ее обоюдовыгодными условиями и проблемными зонами. Сегодня средиземноморская политика Евросоюза — важнейшее направление внешнеполитической деятельности ЕС [1, *131–149*]. Интересы ЕС

© Погосян Р. А., 2015

в Средиземноморском регионе являются многослойными и определяются рядом факторов этого региона: географической близостью, стратегическим положением, запасами углеводородного и минерального сырья, дешевой рабочей силой, в которой нуждается Европа [2, *17*]. Следует отметить, что для Европейского союза отношения с Ближневосточным регионом характеризуются нестабильностью, вызванной существующими там очагами напряженности. Многомилионные европейские бюджеты идут на поддержание стабильности в Средиземноморском регионе, что обременительным образом действует на экономику ЕС [4, *12*].

В настоящий момент к странам–партнерам ЕС относятся Марокко, Алжир, Тунис, Египет, Ливан, Сирия, Израиль, Турция, Иордания, Палестинская национальная автономия (ПНА), Иордания. Последняя не имеет выхода к Средиземному морю и включена в эту группу стран, поскольку имеет исторически сложившиеся экономические и политические связи с Евросоюзом. Основы этих двусторонних отношений были заложены еще в 60-е гг., после распада колониальных империй, и распространялись на ограниченное число средиземноморских стран. В 70-е гг. европейские страны перешли к глобальной средиземноморской политике, рассматривавшей страны Северного и Южного Средиземноморья как единый регион [11, 13]. В 1995 г. после подписания «Барселонской декларации» о развитии «Евро-средиземноморского партнерства» (Евромед) отношения между европейскими странами и Средиземноморским регионом вышли на новый уровень [3]. В июле 2008 г. на Парижском саммите для Средиземноморья эти отношения оформились в виде Союза для Средиземноморья (Union for the Mediterranean), который был одобрен на Марсельской встрече министров иностранных дел региона в ноябре того же года. Союз для Средиземноморья (СДС), включающий в себя 27 стран–членов ЕС и 16 партнеров по Южному Средиземноморью и Ближнему Востоку, был создан с целью придания новой жизни партнерству и поднятия его на новый политический уровень [12]. Сохраняя и применяя наработки, полученные в ходе Барселонского процесса, СДС предлагал своим гражданам более рациональное управление путем развития взаимодействия между властью и обществом, а также путем поддержки прикладных региональных и транснациональных проектов.

В 2011 г. по арабским государствам прокатилась волна восстаний, общественных беспорядков и митингов, которая получила название «арабская весна»[1].

В качестве ответа на события «арабской весны» ЕС разработал программу SPRING (Поддержка партнерства, реформ и инклюзивного роста). В этой программе мы видим две обновленные стратегии ЕС в регионе, целью которых является решение насущных социально-экономических проблем, стоящих перед партнерами в регионе, и их поддержка в период перехода к демократическому режиму. На период 2011–2012 гг. на реализацию программы было выделено

[1] Волна демонстраций и путчей, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 г. Произошли перевороты в Тунисе, Египте и Йемене, гражданские войны в Ливии и Сирии, гражданское восстание в Бахрейне, массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане и менее значительные в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане, Джибути и Западной Сахаре. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 г. также были вдохновлены местной «арабской весной».

350 млн евро. Предполагалось, что предоставляемая поддержка будет адаптироваться к нуждам конкретной страны и основываться на оценке ее успехов в деле построения демократического общества и на принципе «больше за большее», т. е. чем больше успехов добиваются страны в проведении демократических реформ и институционального строительства, тем больше поддержки они могут ожидать от программы SPRING [7].

С момента эскалации событий «арабской весны» и до настоящего времени появилось немало исследований этой темы, авторы которых повсеместно пытаются выявить скрытые интересы ЕС, США, России, т. е. крупнейших мировых держав и объединений, по отношению к Средиземноморскому региону и проблемы в нем. Они стремились понять, чего хотели сами внутриполитические силы, затеявшие перевороты, и к чему шли авторитарные правители и режимы. В данной статье автор анализирует экспертные заключения ряда европейских, американских и арабских исследователей, которые в своих работах говорят о «переосмыслении “арабской весны”».

Научный сотрудник Института международных отношений (IAI) в Риме и руководитель Симпозиума трансатлантической безопасности Риккардо Алькаро (Riccardo Alcaro) пишет о том, что смерть молодого тунисского торговца[2] войдет в историю как момент, символизирующий начало падения многолетних авторитарных режимов и начало прямого участия арабских масс в политических процессах, что и явилось отправной точкой «арабской весны». Самопожертвование Буазизи стало катализатором народных протестов и, более того, показателем достижения совершеннолетия нового поколения арабов, полных решимости добиваться управления своей общественной жизнью через демократические институты. Этот исторический процесс международные медиа назвали «арабской весной» или «арабским пробуждением» [8, *15*].

Независимо от того, превратится ли «арабская весна» 2011 г. в «арабское лето» (по аналогии с событиями в Центральной и Восточной Европе в 1989 г., когда народные демонстрации, так называемые «антикоммунистические революции», привели к установлению демократии и свержению авторитарных коммунистических режимов, смене власти в ряде европейских государств) или в «холодную зиму» (по аналогии с событиями в Центральной Европе 1848 г., когда ожидаемой демократизации не произошло, т. е. реакционные силы преуспели в том, чтобы оказать сопротивление демократическим изменениям, но и авторитарный режим был расшатан), арабский мир будет очень сильно отличаться от того, каким он был до смерти Буазизи. И все заинтересованные во влиянии в этом регионе внешние силы, а именно США и Европейский союз, должны будут скорректировать свои планы и изменить политику в этом регионе в соответствии с новыми условиями [Там же, *16*].

Р. Алькаро говорит о том, что ЕС неоднородно и осторожно оценивает события «арабской весны». И вместе с США выжидает, пока ход событий не позволит им получить четкий ответ о том, какие действия в отношении митингующих сил

[2] Муххамед Буазизи публично сжег себя в Тунисе в знак протеста против жестокого режима.

и защищающихся авторитарных режимов предпринять. Они не считали, что их существующая политика в отношении Северной Африки и Ближнего Востока нуждалась в радикальном пересмотре. Даже новая «европейская политика добрососедства» не включала каких-либо особых инноваций, кроме подчеркнутого внимания к причинам неудачной политики вознаграждения за реализацию внутренних реформ. Что касается Соединенных Штатов, то они медлили в проявлении любой реакции, которая бы свидетельствовала об их участии в региональной политике, если не считать той некритической поддержки, которая была оказана Израилю [8, *23*].

Затем стало очевидным, что американцы и европейцы рассчитывали на внутренние политические изменения во многих арабских странах, включая самую важную из них — Египет. При этом для них было бы идеальным, если бы изменения произошли, не оказывая значительного влияния на региональный баланс. В конечно счете США и их европейские партнеры ожидали от новых арабских правительств (даже в случае включения в их состав представителей исламистских партий) сохранения всех основных выгод, которые они получали от региона во время правления их предшественников. Они исходили из того, что все новые арабские правительства будут нуждаться в помощи и сотрудничестве, которые США и Европейский союз, несмотря на собственные экономические проблемы, могут обеспечить. Однако «арабская весна» показала иллюзорность такого подхода. США и Европейскому союзу пришлось заново структурировать свою политику, чтобы приспособить ее к тем изменениям, которые произошли в регионе [Там же, *27*]. К этому выводу пришла группа из более чем пятидесяти экспертов из Америки, Европы и арабских стран, которые были приглашены 12 сентября 2011 г. в Министерство иностранных дел Италии в Риме, чтобы принять участие в симпозиуме «Трансатлантическая безопасность», организатором которого стал Римский институт международных отношений (Istituto Affari Internazionali).

Материалы симпозиума были опубликованы в объемном томе «Переосмысление западной политики в свете Арабского восстания» [8].

Один из участников дискуссии, Стивен Хайдманн, старший вице-президент Американского института мира (United States Institute of Peace — USIP), назвал свой доклад «Охватывая изменения, принимая вызовы? Западный ответ на “арабскую весну”» [7, *21–29*]. С. Хайдманн считает, что преобразования, которые произошли в арабском мире, изменили политический ландшафт Ближнего Востока и в конечном итоге перевернули установленные ранее отношения между Западом и Арабским регионом «с ног на голову». С. Хайдманн отмечает, что так называемая «арабская весна» входит в свой второй год (доклад был опубликован в 2012 г.) и поэтому уже тогда было уместно отстраниться от событий и сформулировать два вопроса. Во-первых, принимает ли Запад, в данном случае Европа и США, изменения, которые появились в регионе после «арабской весны», после долгого политического застоя? Во-вторых, принимает ли Запад вызовы, связанные с изменениями, которые сейчас там происходят? Другими словам, придает ли Запад значение этим преобразованиям в своих отношениях с арабским миром и начинает ли соответственно адаптироваться?

Отношение Запада к арабским восстаниям было осторожным и неопределенным. В конечном счете Запад сформировал внутри себя отношение к событиям «арабской весны», настаивая на фундаментальных политических и экономических изменениях внутри Средиземноморского региона. К середине мая 2011 года, через 6 месяцев после самосожжения молодого тунисского торговца Моххамеда Буазизи, который стал катализатором народных протестов, президент США Барак Обама определили «арабскую весну» как «историческую возможность» для Соединенных Штатов. Обама выразил мнение, что право голоса и достоинство арабских улиц он оценивает выше, чем власть диктаторов, не опасаясь того, что арабские восстания могут легализовать антизападных экстремистов. Больше не было сомнений в том, что США приветствовали изменения.

Тех, кто наблюдал за арабским миром и изучал арабскую политику, поражало, с какой скоростью арабский мир переходит от авторитаризма к демократии.

На многих конференциях и семинарах в Европе и Латинской Америке пытались обосновать мировой опыт перехода от авторитаризма к демократии применительно к Египту. В журналах и блогах авторы дебатировали о том, насколько, к примеру, индонезийский опыт свержения авторитарного правления мог оказаться полезным для Египта и Туниса. Один из аналитиков, Т. Карозерс, исследовал значение индонезийского опыта для Египта, а также считал неприемлемым прогнозирование для Египта иранской траектории [10].

В тот период в Египте и Тунисе появлялось немало «ветеранов демократических переходов» из Восточной Европы и Латинской Америки, которые делились с арабскими коллегами собственным опытом демократического транзита.

Делегации из Туниса, Ливии и Египта приезжали в Польшу, чтобы наблюдать за парламентскими выборами. В некоторых случаях эти обмены были организованы и профинансированы известными европейскими и американскими организациями, пропагандирующими демократию, среди них был известный Национальный демократический институт США.

Для того чтобы содействовать усилиям по распространению демократии, Конгресс США увеличил сумму финансирования инициативы «Ближневосточное партнерство», которое в 2010 г. составило 50 млн долл., а в 2011 г. достигло 80 млн.

В связи с «арабской весной» следует обратить внимание на примеры региональной дипломатии, осуществляемой руководством стран Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, Катар и ОАЭ. Три этих режима сыграли значительную роль фактически в каждом арабском восстании от Марокко до Бахрейна. Они усилили свое экономическое и дипломатическое влияние в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива и в Лиге арабских государств. Западным экспертам было важно понять, что обильное финансирование странами Залива Египта и других арабских государств направлялось в том числе политическим игрокам «арабской весны», приверженность которых к демократическим ценностям была весьма сомнительной.

Роберт Спринборг, профессор кафедры национальной безопасности Высшей морской школы в калифорнийском Монтерее, пытался проанализировать роль США в «арабской весне» под углом зрения упущенного лидерства этой державы

в Средиземноморском регионе. По его мнению, реакция администрации Барака Обамы на восстания в арабском мире, которые начались в Тунисе в декабре 2010 г., была слишком осторожной. Со стороны администрации США было больше сказано, чем сделано. Поскольку восстания стали набирать обороты, высказывания администрации США, поддерживающие протестующих и критикующие действующие режимы, стали более резкими, но оставались двусмысленными. Свержение тунисского, египетского и йеменского президентов было одобрено Белым домом, однако, к примеру, формулировка заявлений в адрес правящей семьи Аль-Халифа и относительно использования жестких мер в Бахрейне была крайне осторожной. Когда в мае 2011 г. Обама подписал распоряжение, одобрив санкции против сирийского президента Асада и его правящего круга, США преследовали цель оказания давления на Сирию, чтобы побудить это государство перейти к демократической системе. И лишь 18 августа ситуация, сложившаяся вокруг Сирии, была выставлена на обсуждение в Совете Безопасности ООН и американское руководство открыто призвало президента Сирии уйти в отставку. Только по отношению к Ливии американцы сразу говорили однозначно и открыто о необходимости смены режима и предпринимали в этом направлении конкретные действия. Но даже там инициатива в озвучивании однозначного мнения принадлежала Франции и другим европейским государствам, к которым затем присоединились США.

Впервые после Второй мировой войны, констатирует Р. Спринборг, США держались «за спиной» Европы. В реакции на речь Башара Асада 20 июня, в которой он однозначно заявил об отказе от реформ и в резкой форме критиковал оппозицию, называя ее «микробами», разъедающими единство страны, французский министр иностранных дел Аллен Жюппе сказал, что сирийский президент достиг «точки невозврата», т. е. такого положения, в котором ЕС его не станет поддерживать. Его немецкий коллега Г. Вестервелле поддержал мнение А. Жюппе, заметив, что выступление Асада было речью «безнадежного человека, который, кажется, не понял признаков времени». Ответ США на речь Асада был озвучен не президентом Обамой или Государственным секретарем Х. Клинтон, а представительницей Госдепартамента Викторией Нуланд, которая сказала, что Асад произнес «пустые слова».

Г. Любольд утверждает, что «арабская весна» является самым выдающимся историческим событием на Ближнем Востоке с момента краха Османской империи [9].

Как отмечалось выше, реакция США на «арабскую весну» была уклончивой. Вашингтон сознательно избегал открытого мнения и ведущей роли в событиях, воздерживался от использования традиционных рычагов своего воздействия на происходившие в регионе события. Военное развертывание США ограничивалось ливийским театром военных действий, никаких других демонстративных военных действий не предпринималось. США показывали свою позицию «за спиной» ЕС, влияя через ООН и мировые финансовые организации на процесс демократизации на Ближнем Востоке, в то время как ЕС открыто выступал за создание нового облика Ближнего Востока. Мир еще не привык к такой «американской скромности» и продолжал смотреть на Вашингтон, ожидая от него каких-то действий [7, *48*].

Напротив, египетский политолог Иссандра Эль Амрани утверждает, что американские стратегические интересы на Ближнем Востоке не изменились с момента начала арабских восстаний и, отражая постоянство политики двух прошлых десятилетий, вряд ли подлежат переменам. Первая стратегическая цель США — энергетическая безопасность, управление потоками нефти из Персидского залива, поставки которой по умеренным ценам являются крайне важными для мировой экономики. И факт этого управления нефтяными потоками является важным для поддержания имиджа США как мировой державы. Вторая — безопасность Израиля. Третья — борьба против терроризма и радикального исламизма, а также борьба с распространением ядерного оружия. Четвертая — это продвижение в регионе американских ценностей, включая, дружескую по отношению к региону экономическую политику, ответственное правительство, уважение прав человека [7, *55*].

В совместном докладе заместителя директора римского Института международных отношений Н. Точчи и исследователя этого института С. Коломбо рассматривается реакция ЕС на «арабскую весну» [9, *71–96*]. Восстания в странах Южного Средиземноморья застали врасплох многих европейских экспертов. Европейский союз привык иметь дело с апатичным Средиземноморским регионом, в котором изменения происходили только в направлении укрепления авторитарного режима и все большей секьюритизации. Во имя стабильности на протяжении последних десятилетий политика ЕС была нацелена на поддержание статус-кво в регионе. Географическая близость и разнообразные связи с Южным Средиземноморьем сделали Европейский континент уязвимым перед появлением некоторых «побочных эффектов», возникающих в процессе постоянного открытого сотрудничества, таких, как экспорт в Европу контрафактной продукции, злоупотребления в области энергетики, нелегальная миграция, наркотрафик, распространение террористических сетей. Стабильность и демократия в арабских странах воспринимались европейцами как несовместимые цели. Последняя приносилась в жертву ради обеспечения первой. Эти подходы были подвергнуты сомнению путем бурного распространения народных протестов в Северной Африке и на Ближнем Востоке, начиная с Туниса, который некогда считался самым стабильным и открытым в регионе. В то время как результаты «арабской весны» привели к свержениям авторитарных режимов, ЕС пересматривал свои долгосрочные цели.

Н. Точчи и С. Коломбо подчеркивают, что слишком часто устойчивость в арабских странах путали со стабильностью, что вовсе не одно и то же. Поэтому политику ЕС в отношении стран Южного Средиземноморья можно считать «несбалансированным компромиссом между демократией и безопасностью» [7, *70*].

Имеет смысл обратить внимание здесь на то, что с момента своего становления «Барселонский процесс» в середине 90-х гг. был ориентирован на продвижение демократии, прав человека, устойчивое развитие в странах Южного Средиземноморья [5]. Однако на практике многие ожидания не были реализованы. Основной акцент делался на экономической корзине, поскольку предполагалось, что экономические реформы и процветание региона могли подтянуть за собой и политические реформы [6].

Как отметил Саид Хаддади, европейско-средиземноморское партнерство развивалось в двух направлениях. Одним из них являлось продвижение безопасности, а другим — демократии. И два этих дискурса риторически были представлены как дополняющие друг друга, но на практике часто расходились и были взаимоисключающими [8].

В докладе эксперта из Туниса, директора Центра международных и средиземноморских исследований Ахмеда Дрисса (Centre d`Etudes Mediterranennes et Internationales), отмечается, что арабский мир находится в таком состоянии, когда еще рано судить, приведут ли изменения к стабильному демократическому развитию [7, *91–110*]. Однако можно прогнозировать, что динамика движения указывает на это направление.

Народы Туниса, Египта и Ливии, а также таких стран, как Йемен, Бахрейн и Сирия, восстают против авторитарных структур. Однако остается не вполне ясным, какое направление новым государственным институтам придадут массовые движения. Никто в ЕС не может категорически утверждать, что переходные процессы в арабском мире — прямые результаты европейской политики демократизации. И это несмотря на то, что больше 15 лет ЕС использовал различные стратегические инструменты и подходы, такие как программы «Евро-Средиземноморское партнерство», «Союз для Средиземноморья» и «Европейская политика добрососедства», чтобы развивать экономическое сотрудничество, стимулировать демократизацию. Успех арабских революций, по мнению Ахмеда Дрисса, заключается в «свержении деспотических режимов», прежде всего благодаря храбрости людей. Дрисс ищет ответ на вопросы: «сыграла ли Европа роль в содействии арабским восстаниям?», какова эта самая «неоднозначность продвижения демократии» [Там же, *97–98*]?

Продвижение демократии и уважения прав человека и человеческого достоинства представляло одну из главных целей Барселонской декларации 1995 г., которая установила Евро-Средиземноморское партнерство [14]. Правовые инструменты, настроенные на осуществление этого партнерства, а именно договоры о сотрудничестве, предусматривали «демократический пункт» как своего рода политическую обязательность, без которой партнерства быть не могло. Этот пункт предусматривал, что уважение демократических принципов и основных прав, как выражено во Всеобщей декларации прав человека, вдохновляет внутреннюю и международную политику сторон и составляет элемент соглашения. Несмотря на условия этого соглашения, всегда было трудно найти общую позицию в отношениях с арабским миром. И, несмотря на достаточно оптимистичные выводы А. Дрисса об утверждении демократических ценностей в арабском мире под влиянием «арабской весны», многие западные эксперты все же не соглашаются с этими утверждениями. Переосмыслению политики ЕС и США в отношении арабских стран посвящаются все новые исследования.

Одна из недавних статей Н. Точчи, опубликованная в ноябре 2014 г., недвусмысленно озаглавлена «Политика добрососедства умерла. Каковы будут следующие шаги европейской внешней политики в отношении нестабильности в Средиземноморском регионе?» [9]. Как бы то ни было, ЕС должен будет заново

продумать свой подход к его чрезмерно бурному «заднему двору», продумать концептуально разные подходы к Востоку и Югу. В обоих направлениях присутствуют кризис и нестабильность. В обоих случаях величина трудностей, с которыми сталкивается ЕС, настолько большая, что практичный реализм должен стать для ЕС руководством к действию. И арабские восстания в 2011 г., и украинский кризис в 2014 г. подвели ЕС к необходимости удвоить усилия по реализации политики добрососедства.

В первые годы восстаний в Ближневосточном регионе и Северной Африке обновляемая политика добрососедства, казалось, соответствует текущему моменту. Основанная на двусторонних отношениях с соседями по принципу «больше денег, больше рынков и больше мобильности», она, казалось, была успешной в поддержании демократических преобразований в странах Северной Африки и Ближнего Востока. Однако неожиданно для ЕС страны этих регионов отказались подписывать с ЕС дополнительные соглашения. Аналогично тому как президент Украины В. Янукович и президент Армении С. Саргсян отказались подписать с ЕС «глубокое и всестороннее соглашение о свободной торговле». Таким образом, политика добрососедства Евросоюза провалилась как на Востоке (Украина, Армения), так и на Юге (Средиземноморский регион). Европейский союз впервые столкнулся со столь масштабными проблемами в реализации политики добрососедства. Европейская архитектура безопасности периода постхолодной войны подвергается серьезным испытаниям. Многие эксперты считают, что завершились времена политики соглашений по типу Сайкса-Пико (1916) о разделе сфер влияния в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. В такие времена ЕС должен вести ответственную внешнюю политику, основанную на уравновешенной оценке угроз и возможностей; внешнюю политику на основе реалистичных целей и прагматичного использования возможных инструментов; внешнюю политику, которая в состоянии расставить приоритеты, выбрать стратегию, чтобы не утратить возможностей управления регионом. Европейский союз должен разработать концептуально разные подходы к Востоку и Югу, находящимся в глубоком кризисе. Только практичный реализм может руководить ответственной и успешной политикой [9].

---

1. A Secure Europe In a Better World. European Security Strategy. Brussels, 12 December 2003.

2. Euro-Mediterranean co-operation: enlarging and widening the perspective. Andreas Jacobs. Center for European integration studies. Bonn, 2004.

3. Europe, The Mediterranean, Russia: Perception of Strategies / Ed. by N. Kovalsky. M., 1998.

4. International journal of Middle East studies.

5. *Pace R.* The European Union's Next Mediterranean Enlargement. Challenges and Uncertainties / University of Catania, 1997.

6. Paradoxes of European Foreign Policy. Balancing Europe's Eastern and Southern Dimensions. Barbe, Esther. Robert Schuman Centre. EUI, Florence, 1997.

7. Re-thinking Western Policies in Light of the Arab Uprising, IAI Research Papers / Ed. by Ricardo Alcaro and Miguel Hanbrich-Seco. Rim, 2012.

8. *Said Haddadi.* "Political Securitization and Democratization in the Maghreb: Ambiguous Discourses and Fine-Tuning Practices for a Security Partnership" in E. Adler et al. The Convergence

of Civilizations. Constructing a Mediterranean Region. Toronto : Toronto University Press, 2006. P. 168–190.

9. The Neighborhood Policy is dead. What`s Next for European Foreign Policy Along its Arc of Instability / By Nathalie Tocci / IAI Working papers 14/16 — nov. 2014.

10. Thomas Carothers. Egypt and Indonesia: As Mubarak teeters, lessons can be drawn from Suharto's Ouster // The New Republic. 2 Febr., 2011 [Electronic resource]. URL: http://www.tnr.com/article /world/82650/Egypt-and-Indonesia (accessed: 20.06.2015).

11. Европа и Средиземноморье: проблемы южного направления. Средиземноморье — Черноморье — Каспий // ИЕ РАН. М., 1999.

12. Европейский союз в XXI веке: Время испытаний / под ред. О. Потемкиной, Н. Кавешникова, Н. Кондратьевой. М., 2012.

13. Europe and The Mediterranean / Ed. by P. Ludlow. L. ; N. Y.,1984.

14. Report on the implementation of the European Security Strategy — providing security in changing world. S407/08. Brussels, 2008. 11 Dec.

Рукопись поступила в редакцию 26 июня 2015 г.